

диакон
Андрей Кураев

МАСТЕР
и МАРГАРИТА:
за Христа или против?

*Издание третье,
дополненное и переработанное*

Андрей Кураев

**«Мастер и Маргарита»: За
Христа или против? 3-е издание**

«Проспект»

Кураев А. В.

«Мастер и Маргарита»: За Христа или против? 3-е издание /
А. В. Кураев — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-221513-3

Новое, значительно переработанное издание великолепного исследования Андрея Кураева – это возможность еще раз задуматься о феерическом и одновременно глубоко продуманном мире одной из главных книг нашего времени. Что видит в романе Булгакова профессор богословия? Факты, логика, неожиданные выводы, юмор и эрудиция автора обещают всем поклонникам и противникам творчества Булгакова незабываемое чтение.

ISBN 978-5-39-221513-3

© Кураев А. В.
© Проспект

Содержание

От автора	6
В защиту черновиков	8
Булгаков и Вера	12
Булгаков и безверие	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

диакон
Андрей Кураев
Мастер и Маргарита:
за Христа или против?
Издание третье, дополненное
и переработанное

ebooks@prospekt.org

*Отрекись от Него – и громом
Не расколется небосвод...
Только свет из грешного дома,
Может быть, навсегда уйдет.
И заметишь ты это едва ли:
Всё заботы да суета...
Мы не раз уже предавали
И стыдились верить в Христа.
Но глядит Он из дальней дали,
Весь изъязвлен и весь в крови:
Дети, дети Моей печали,
Дети, дети Моей любви*

*Надежда Павлович
«Наши дети»*

От автора

Я полюбил эту книгу, когда она еще не входила в школьную программу. И мог страницами цитировать ее по памяти. Даже спустя пятнадцать лет после прочтения, впервые оказавшись в Иерусалиме, я смотрел на Город через булгаковские стихи (язык не поворачивается назвать прозой его описание грозы над Ершалаимом). Иначе было просто невозможно: я стоял на вершине Масличной горы; внизу был Город, а с запада (но не сверху, а вровень с глазами) надвигалась гроза. Ну как тут было не вспомнить: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонецкий дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях...»¹ (гл. 19).

Я влюбился в нее, когда был атеистом. Сейчас в моем самопонимании важнейшее слово – «христианин». Как заметил Воланду начитанный атеист Берлиоз, «Ваш рассказ чрезвычайно интересен, профессор, хотя он и совершенно не совпадает с евангельскими рассказами» (гл. 3). Согласен с этим впечатлением Берлиоза. Но он так и умер атеистом, а я немного изменился. Так имею ли я право продолжать с любовью относиться к булгаковской книге, несмотря на то что за эти годы я стал ортодоксальным христианином?

Может ли христианин не возмущаться этой книгой?

Возможно ли такое прочтение булгаковского романа, при котором читатель не обязан восхищаться Воландом и Иешуа, при этом восхищаясь романом в целом? Воланд – оппонент автора или резонер, которому доверено озвучивать авторскую позицию? Возможно ли такое прочтение романа, при котором автор был бы отделен от Воланда?

Такую возможность отрицают школьные учебники по литературе. Что ж, пора выходить за порог «слишком средней» школы.

Михаил Булгаков – сын профессора богословия. Я тоже профессор богословия (увы, в отличие от Афанасия Булгакова, не статский советник). Так что мои именно «богословские очки» могут оказаться отнюдь не лишними для чтения этого романа. Мой подход не претендует на исключительность и эксклюзивность. Роман многомерен. И поэтому многие его трактовки могут сосуществовать по принципу «не вместо, но вместе».

Моя трактовка многим покажется странной. Но она менее фантастична, чем гипотезы ведущих профессиональных булгаковедов. Так, Мариэтта Чудакова считает, что мастер – это реинкарнация Иешуа². А Лидия Яновская полагает, что Булгаков весь свой роман (как «московские», так и «ершалаимские» главы) презентует как творение Иванушки Бездомного³. Что уж взять с фантазеров типа Филатьева, полагающего, будто в имени Воланда зашифрована «Великая Октябрьская Революция»⁴.

Что ж, пусть вдумчивый читатель сравнивает и создает свою «мозаику».

В романе есть автобиографический пласт, а есть политический. Есть в нем отражение жизни театральной среды и писательского мира. Психолог найдет там свое. Те, кому интересны приключения или любовная романтика, бытовой фельетон или тема доноса, тоже вполне законно найдут в нем пищу для размышлений. Ну а я посмотрел на роман глазами религиоведа и богослова. Полагаю, эти самые «профессорско-богословские очки» помогли мне заметить некоторые вещи, которые филологам и политологам не показались интересными...

Не все детали как самого романа, так и жизни и творчества Булгакова я смог учесть. Не все заметил. Не все смог согласовать со своими предположениями. Но то, что я подмечаю,

слишком многие читатели и булгаковеды не видят и просто игнорируют. Так что хорошо было бы когда-нибудь совместить наши подходы⁵.

Но главным побуждением и целью этой моей работы было не устроить «революцию» в булгаковедении, а отстоять нечто вполне консервативное. То есть оправдать «консерватизм» своей любви.

В защиту черновиков

Прежде чем приступать к изложению аргументов, стоит признаться в необычности по крайней мере некоторых из них.

В литературоведении принято опираться на итоговую, беловую авторскую рукопись. Если между беловиком, тем текстом, который автор передал в издательство, и черновыми, более ранними набросками есть расхождение, то предпочтение отдается именно позднему варианту. Вполне понятный и логичный принцип, основанный на уважении к воле автора.

Но все же «есть смысл снова заглянуть в черновую тетрадь эпилога: в рукописи мысль писателя иногда бывает беззащитно обнажена»⁶.

Кроме того, есть такие книги, к которым он не может быть вполне применим. Этот принцип не вполне приложим к произведениям подцензурной литературы. Если писатель работает в условиях жесткой внешней цензуры, то со временем он переходит к самоцензуре. Он уже по своему горькому опыту знает, что – можно, что – на грани допустимого, а что – просто невозможно. Он знает требования цензуры и вкусы конкретного цензора. И тогда он может сам подправлять свой текст накануне передачи его в чужие руки. Пока писатель наедине со своим вдохновением, он просто искренен. И тогда каждый пишет, как он дышит⁷...

Но вот наступает пора, когда надо наступать на горло собственной песне ради того, чтобы хоть что-то прохрипеть.

Булгаков писал свой последний роман в годы жесточайшей цензуры, уже имея огромный опыт «продирания» сквозь нее.

За несколько дней до смерти в дневнике его жены Е. С. Булгаковой появляется запись: «6 марта 1940 г. Когда засыпал: “Составь список... список, что я сделал... пусть знают...” Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя – но уже неправильно, руки не слушаются... Одно время у меня было впечатление, что он мучится тем, что я не понимаю его, когда он мучительно кричит. И я сказала ему наугад (мне казалось, что он об этом думает): “Я даю тебе честное слово, что перепишу роман, что я подам его, тебя будут печатать!” – А он слушал, довольно осмысленно и внимательно, и потом сказал: “Чтобы знали... чтобы знали”»⁸.

Возможно, список, о котором идет речь в начале этой записи, – это список литературных и идейных врагов Булгакова⁹. И вот вопреки обилию этих врагов Булгаков все же хочет видеть свой роман опубликованным. И в романе он видит некоторое предупреждение читателю: «Чтобы знали...».

Ради этого он переделывал роман, не только улучшая его, но и страха ради цензорского. В литературной сводке ОГПУ от 28 февраля 1929 года говорится: «...Булгаков написал роман, который читал в некотором обществе, там ему говорили, что в таком виде не пропустят, так как он крайне резок с выпадами, тогда он его переделал и думает опубликовать, а в первоначальной редакции пустить в качестве рукописи в общество, и это одновременно с опубликованием в урезанном цензурой виде»¹⁰.

«Печка давно уже сделалась моей возлюбленной редакцией»¹¹. «18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, сообщающую, что новая моя пьеса “Кабала святош” к представлению не разрешена... Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе» («Письмо Правительству СССР»).

В дневнике Е. С. Булгаковой (осень 1937 года): «Мучительные поиски выхода... откорректировать ли роман и представить?... Миша правит роман»¹².

Оттуда же: «12 октября 1933 года: Утром звонок Оли: арестованы Николай Эрдман¹³ и Масс. Говорит, за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился <...> Ночью М. А. сжег часть своего романа. <...>

30 октября 1935. Приехала Ахматова. Ужасное лицо. У нее – в одну ночь – арестовали сына (Гумилева) и мужа – Н. Н. Пунина. Приехала подавать письмо Иос. Вис. В явном расстройстве, бормочет что-то про себя.

31 октября. Отвезли с Анной Андреевной и сдали письмо Сталину. Мы вечером в Сатире. М. А. делал поправки цензурные <...>

3 апреля 1936. Арестовали Колю Лямина.

5 апреля. М. А. диктует исправления к “Ивану Васильевичу” <...>

23 сентября 1937. Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить? Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение <...>

23 октября 1937. У М. А. из-за всех этих дел по чужим и своим либретто начинает зреть мысль – уйти из Большого театра, выправить роман (“Мастер и Маргарита”), представить его наверх <...>

28 февраля 1938. Сегодня в газетах сообщение о том, что 2 марта в открытом суде (в Военной коллегии Верховного суда) будет слушаться дело Бухарина, Рыкова, Ягоды и других (в том числе профессора Плетнева). В частности, Плетнев, Левин, Казаков и Виноградов (доктора) обвиняются в злодейском умерщвлении Горького, Менжинского и Куйбышева <...>

1 марта. ... У М. А. установилось название для романа – “Мастер и Маргарита”. Надежды на напечатание его – нет. И все же М. А. правит его, гонит вперед, в марте хочет кончить...»¹⁴

Были ли шансы на публикацию? Иногда казалось, что да. В ноябре 1936 года постановка шуточной оперы А. Бородина «Богатыри» Камерным театром (с текстом Демьяна Бедного) была заклеяна советской прессой «за глумление над крещением Руси». Е. С. Булгакова отмечает в дневнике: «Я была потрясена!»¹⁵ Булгаков же настолько вдохновлен этим, что в том же месяце делает набросок либретто «О Владимире», обращаясь к теме Крещения Руси¹⁶.

Вообще, когда в 1928 году Булгаков начинал свой «роман о дьяволе»¹⁷, в советской литературе дьявол считался вполне приемлемым и обычным персонажем. Ничего шокирующего в том, что советский писатель вдруг вводит в повествование черта, тогда не было.

В воспоминаниях Л. Е. Белозерской-Булгаковой рассказывается о знакомстве М. Булгакова с повестью А. В. Чаянова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (М., 1922). Оформляла книгу Н. Ушакова, дружившая с семьей Булгаковых, она и подарила экземпляр книги Михаилу Афанасьевичу. Итак, «Н. Ушакова, иллюстрируя книгу, была поражена, что герой, от имени которого ведется рассказ, носит фамилию Булгаков. Не менее был поражен этим совпадением и Михаил Афанасьевич. Все повествование связано с пребыванием Сатаны в Москве, с борьбой Булгакова за душу любимой женщины, попавшей в подчинение к Дьяволу <...> С полной уверенностью я говорю, что небольшая повесть эта послужила зарождением замысла, творческим толчком для написания романа “Мастер и Маргарита”»¹⁸.

Герой повести, студент-второкурсник Московского университета Булгаков возвращается в Москву из Коломенского: «Вступив в город и расставшись со спутником своим, почувствовал я внезапно гнет над своей душой необычайный. Казалось, потерял я свободу духа и ясность душевную безвозвратно и чья-то тяжелая рука опустилась на мой мозг, раздробляя костные покровы черепа... Весь былой интерес к древностям славяно-русским погас в душе моей... Я чувствовал в городе чье-то несомненное жуткое и значительное присутствие. Это ощущение то слабело, то усиливалось необычайно, вызывая холодный пот на моем лбу и дрожь в кистях рук, – мне казалось, что кто-то смотрит на меня и готовится взять меня за руку. Чувство это, отравлявшее мне жизнь, нарастало с каждым днем, пока ночью 16 сентября не разразилось роковым образом, введя меня в круг событий чрезвычайных. Была пятница. Я засиделся до

вечера у приятеля своего Трегубова, который, занавесив плотно окна и двери, показывал мне “Новую Киропедию” и говорил таинственно о заслугах московских мартинистов¹⁹. Возвращаясь, чувствовал я гнет нестерпимый»²⁰.

Тот, кто в повести Чаянова овладел душой Булгакова, был не дьяволом, а человеком, прошедшим посвящение у лондонских вельможных сатанистов. У них в карточной игре он выиграл души нескольких москвичей. Можно представить, как потрясли Михаила Булгакова слова, сказанные чаяновским «Коровьевым»: «Беспредельна власть моя, Булгаков, и беспредельна тоска моя; чем больше власти, тем больше тоски»²¹. Впрочем, и он смог остановиться, когда с иконы «Спасов лик строго глянул мне в душу...»²²

Чаянова арестовали в 1930 году (не за повесть, а в связи с процессом «промпартии»). В литературе же за 20 лет советской власти каноны «социалистического реализма» уже определились. Старый черт должен был уступить место старому рабочему.

И чтобы в конце 30-х годов опубликовать «Мастера и Маргариту», надо было многое в тексте спрятать от поверхностных читателей и цензоров... Пришла пора искать «спрятанное». И потому обращение к ранним редакциям оказывается необходимым для понимания итогового текста.

Особенно потому, что «итоговый» текст так и не был дописан, а последний, но все равно черновой вариант²³ нам до сих пор неизвестен.

«Сегодня нужнее не тонкие “интерпретации”, а обстоятельные научные разыскания, решение текстологических проблем (а они есть, и еще какие), издание полного, неотредактированного сборника воспоминаний о Булгакове (автору этих строк как-то пришлось сравнить тексты вышедших в 1988 “перестроечном” году “Воспоминаний о Михаиле Булгакове” и архивные подлинники в отделе рукописей Литературного музея, и сразу стали видны сознательные и целенаправленные выдирыки известного своей ученостью и беспристрастием составителя, которому уже не мешала никакая цензура), и прежде всего дневников Е. С. Булгаковой в их первой, полной, не цензурированной автором редакции. Ибо множество новых данных и открывшиеся наконец пусть не полностью и не для всех (архив Булгакова в КГБ открыт только до 1936 года) секретные архивы требуют спокойного объективного изучения и осмысления. Отсутствие авторских редакций “Белой гвардии” и “Мастера и Маргариты” (а они есть, но пока недоступны ученым) мешает восстановлению подлинного образа Михаила Булгакова. И это не только проблемы текстологии. Заметим, что без такой многолетней, сложной и, главное, коллективной работы невозможно и сколько-нибудь основательное, действительно академическое собрание сочинений писателя. Сделано пока что все, чтобы оно как можно дольше не появилось (сюда входит и постоянная организация “групп”-фикций по изданию “академического” Булгакова, лишь прикрывающих полное безделье умелой болтологией). Причем характерен иезуитский цинизм этого “сценария”: все хитро делалось и делается чужими, то есть нашими, руками, начиная со знаменитого открытого письма известных ученых (!), требовавших закрытия булгаковских архивов от ученых же. Умело раздутые разоблачение и неизбежная борьба самолюбий в стане булгаковедов пока только мешали общему делу, а их письменные и устные ругательные отзывы друг о друге слишком часто сбивались на доносы»²⁴.

Разные редакции, отражающие разные этапы работы Булгакова над текстом «Мастера и Маргариты», порой обозначаются так:

«Черный маг» (1928–1929 годы);

«Копыто инженера» (1929–1930 годы);

«Великий Канцлер» (1932–1936 годы);

«Князь тьмы» (1937 год);

Вторая полная рукописная редакция романа (1938 год).

«Мастер и Маргарита» становится названием этого произведения только в 1938 году. Возможно, в порядке самоцензурной смягчающей правки.

С каждой новой правкой улучшалась литературно-стилистическая проработка романа. Но под конец начали прятаться антиатеистические «иголочки» книги.

Так, Берлиоз из редактора журнала «Богоборец» превратился в редактора безымянного «толстого художественного журнала». А доносчик Богохульский превратился в Алоизия.

Булгаков и Вера

Так был ли сам Булгаков богоборцем, атеистом-кошунником?

У Булгакова было церковное детство. Оба его деда были священниками, а отец, Афанасий Иванович Булгаков (1857–1907), – профессором Киевской духовной академии, оставившим ряд монографий по сравнительному богословию²⁵. Крестный отец Михаила – профессор Киевской духовной академии Н. И. Петров. Венчал Михаила Афанасьевича святой новомученик протоиерей Александр Глаголев (он, кстати, тоже был богословом и выступал экспертом по делу Бейлиса). Знаменитый богослов протоиерей Сергей Булгаков также находился в родстве с Михаилом Афанасьевичем.

И все же уже через три года после смерти отца (то есть в 1910 году) его сестра Надежда записывает в своем дневнике: «Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии – неверие»²⁶. Он не носил нательного крестика²⁷. Были и увлечения наркотиками. Его первой жене пришлось делать аборт еще до венчания... Не стоит удивляться, что он делал довольно едкие зарисовки из церковно-приходской жизни. Свидетельства о его участии в литургической жизни Церкви мне не попадались.

И все же то, что казалось окончательным 18-летнему подростку в 1910 году, потом менялось.

Одной из причин разрыва с первой женой (Татьяной Николаевной) было ее откровенно враждебное отношение к религии²⁸. Третья же его жена – Елена Сергеевна Булгакова – вспоминала: «Верил ли он? Верил, но, конечно, не по-церковному, а по-своему. Во всяком случае, когда болел, верил – за это я могу поручиться»²⁹.

Рудиментарная церковность в его доме сохранялась: была и рождественская (а не новогодняя) елка для детей³⁰, была и молитва: «*31 января 1934*. Кончается год. И вот, проходя по нашим комнатам, часто ловлю себя на том, что крещусь и шепчу про себя: Господи! Только бы и дальше так!» (дневник Е. С. Булгаковой³¹). «*6 января 1939*. Миша сказал мне очень хорошие вещи, и я очень счастлива, в честь чего ставлю знак», – записано в дневнике Елены Сергеевны, а в рукописи дневника она проставила знак, ясный только ей и Булгакову. Это крест со множеством линий, исходящих из точки перекрещивания.

И до хулы на Бога и Церковь Булгаков все же никогда не доходил. Ему пробовали заказывать антирелигиозные пьесы – и он отказывался (и это в 1937 году!)³².

Вот булгаковский дневник: «*19 октября 1923*. Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ... *26 октября 1923*. Нездоровье мое затяжное. Оно может помешать мне работать. Вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога... *27 октября 1923*. Помоги мне, Господи»³³. «Каждое утро воссылаю моления о том, чтобы этот надстроенный дом простоял как можно дольше – качество постройки несколько смущает»³⁴. «В конце жизни пришлось пережить еще одно разочарование – во врачах-терапевтах... А больше всего да поможет нам всем больным Бог!»³⁵

«Помоги, Господи, кончить роман», – так был надписан Булгаковым один из черновых набросков к главам романа в 1931 году³⁶.

Есть и личное признание Булгаковым посмертия. С. Ермолинский передал слова Булгакова, сказанные ему в 1940 году: «Мне мерещится иногда, что смерть – продолжение жизни. Мы только не можем себе представить, как это происходит... Я ведь не о загробном говорю, я не церковник и не теософ, упаси Боже. Но я тебя спрашиваю: что же с тобой будет после смерти,

если жизнь не удалась тебе? Дурак Ницше... (Он сокрушенно вздохнул). Нет, я, кажется, окончательно плох, если заговорил о таких заумных вещах. Это я-то?..»³⁷

Михаил Булгаков в стихах своего брата Николая³⁸ отмечает строки, в которых выражается православное верование во «встречного ангела» – «ангела смерти»:

Войдешь без слов, мой гость случайный.

Как зачарованный вопьюсь

Глазами в лик необычайный.

Скажу – готов и не боюсь.

Комментарий Михаила Афанасьевича: «Скажу – готов и не боюсь. Верно и сильно»³⁹.

Так что Булгаков, пожалуй, не был повинен в том грехе, который вызывал наибольшее отвращение у Данте: «Я утверждаю, что из всех видов человеческого скотства самое глупое, самое подлое и самое вредное верить, что после этой жизни нет другой» (Данте. Пир. 2, 8)⁴⁰.

Но более, чем скупые записи дневников, в том, что у Булгакова был опыт искренней молитвы, убеждают его книги.

Вспомним последние строки «Белой гвардии»: «Перед Русаковым лежала тяжелая книга в желтом кожаном переплете. Глаза шли по строкам медленно и торжественно.

“И увидал я мертвых и великих, стоящих перед богом и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими.

Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них, и судим был каждый по делам своим...

И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное...

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нет”.

По мере того как он читал потрясающую книгу, ум его становился как сверкающий меч, углубляющийся в тьму.

Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал, как короста с забытой в лесу отсохшей ветви. Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение. Мир становился в душе, и в мире он дошел до слов: “...слезу с очей, и смерти не будет, уже ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло”...

Последняя ночь расцвела. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавес Бога, облекающий мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч.

Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»⁴¹

Кто этот Русаков, последний человек в «Белой гвардии»? Это человек, в жизни которого была покаянная ночь:

«Сифилитик говорил, и губы у него прыгали, как у ребенка.

– Боже мой, боже мой, боже мой... Ужас, ужас, ужас... Ах, этот вечер! Я несчастлив. Ведь был же со мной и Шейер, и вот он здоров, он не заразился, потому что он счастливый человек. Может быть, пойти и убить эту самую Лельку? Но какой смысл? Кто мне объяснит, какой смысл? О, господи, господи... Мне двадцать четыре года, и я мог бы, мог бы... Пройдет пятнадцать лет, может быть, меньше, и вот разные зрачки, гнущиеся ноги, потом безумные идиотские речи, а потом – я гнилой, мокрый труп.

Обнаженное до пояса худое тело отражалось в пыльном трюмо, свеча нагорала в высоко поднятой руке, и на груди была видна нежная и тонкая звездная сыпь. Слезы неудержимо текли по щекам больного, и тело его тряслось и колыхалось.

– Мне нужно застрелиться. Но у меня на это нет сил, к чему тебе, мой бог, я буду лгать? К чему тебе я буду лгать, мое отражение?

Он вынул из ящика маленького дамского письменного стола тонкую книгу, отпечатанную на сквернейшей серой бумаге. На обложке ее было напечатано красными буквами:

ФАНТОМИСТЫ-ФУТУРИСТЫ

Стихи:

М. ШПОЛЯНСКОГО.

Б. ФРИДМАНА.

В. ШАРКЕВИЧА.

И. РУСАКОВА.

Москва, 1918

На странице тринадцатой раскрыл бедный больной книгу и увидел знакомые строки:

Ив. Русаков

Богово лого.

Раскинут в небе

Дымный лог.

Как зверь, сосущий лапу,

Великий суиций папа

Медведь мохнатый

Бог.

В берлоге

Лог

Бейте бога.

Звук алый

Боговой битвы

Встречаю матерной молитвой.

– Ах-а-ах, – стиснув зубы, болезненно застонал больной.

– Ах, – повторил он в неизбывной муке.

Он с искаженным лицом вдруг плюнул на страницу со стихотворением и бросил книгу на пол, потом опустился на колени и, крестясь мелкими дрожащими крестами, кланяясь и касаясь холодным лбом пыльного паркета, стал молиться, возводя глаза к черному безотрадному окну:

– Господи, прости меня и помилуй за то, что я написал эти гнусные слова. Но зачем же Ты так жесток? Зачем? Я знаю, что Ты меня наказал. О, как страшно Ты меня наказал! Посмотри, пожалуйста, на мою кожу. Клянусь Тебе всем святым, всем дорогим на свете, памятью мамы-покойницы – я достаточно наказан. Я верю в Тебя! Верю душой, телом, каждой нитью мозга. Верю и прибегаю только к Тебе, потому что нигде на свете нет никого, кто бы мог мне помочь. У меня нет надежды ни на кого, кроме как на Тебя. Прости меня и сделай так, чтобы лекарства мне помогли! Прости меня, что я решил, будто бы Тебя нет: если бы Тебя не было, я был бы сейчас жалкой паршивой собакой без надежды. Но я человек и силен только потому, что Ты существуешь, и во всякую минуту я могу обратиться к тебе с мольбой о помощи. И я верю, что Ты услышишь мои мольбы, простишь меня и вылечишь. Излечи меня, о Господи, забудь о той гнусности, которую я написал в припадке безумия, пьяный, под кокаином. Не дай мне сгнить, и я клянусь, что я вновь стану человеком. Укрепи мои силы, избавь меня от кокаина, избавь от слабости духа и избавь меня от Михаила Семеновича Шполянского!»⁴²

Так описать покаянное рыдание мог только человек, которому оно знакомо по личному опыту...

Хрестоматийным стало описание молитвы Елены над раненым Алексеем Турбиным в той же «Белой гвардии».

«Из года в год, сколько помнили себя Турбины, лампадки зажигались у них двадцать четвертого декабря в сумерки, а вечером дробящимися, теплыми огнями зажигались в гостинной зеленые еловые ветви. Но теперь коварная огнестрельная рана, хрипящий тиф все сбили и спутали, ускорили жизнь и появление света лампадки. Елена, прикрыв дверь в столовую, подошла к тумбочке у кровати, взяла с нее спички, влезла на стул и зажгла огонек в тяжелой цепной лампаде, висящей перед старой иконой в тяжелом окладе. Когда огонек созрел, затеплился, венчик над смуглым лицом Богоматери превратился в золотой, глаза ее стали приветливыми. Голова, наклоненная набок, глядела на Елену. В двух квадратах окон стоял белый декабрьский, беззвучный день, в углу зыбкий язычок огня устроил предпраздничный вечер, Елена слезла со стула, сбросила с плеч платок и опустилась на колени. Она сдвинула край ковра, освободила себе площадь глянцевого паркета и, молча, положила первый земной поклон...

Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шепотом:

– Слишком много горя сразу посылаешь, мать-заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что?.. Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что?.. Как мы будем вдвоем с Николом?.. Посмотри, что делается кругом, ты посмотри... Мать-заступница, неужто ж не сжалишься?.. Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то?

Она опять поклонилась и жадно коснулась лбом пола, перекрестилась и, вновь простирая руки, стала просить:

– На тебя одна надежда, Пречистая Дева. На тебя. Умоли Сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...

Шепот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь ее была непрерывна, шла потоком. Она все чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтоб сбить назад выскочившую на глаза из-под гребенки прядь. День исчез в квадратах окон, исчез и белый сокол, неслышным прошел плещущий гавот в три часа дня, и совершенно неслышным пришел Тот, к Кому через заступничество смуглой девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благодостный, и босой. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она

лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жесткого пола под коленями. Огонек разбух, темное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены все новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение – стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, маслянистые деревья, черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор.

– Мать-заступница, – бормотала в огне Елена, – уприси его. Вон он. Что же тебе стоит. Пожалей нас. Пожалей. Идут твои дни, твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает он, да и тебя умоляю за грехи. Пусть Сергей не возвращается... Отымаешь, отымай, но этого смертию не карай... Все мы в крови повинны, но ты не карай. Не карай»⁴³.

По словам Л. Е. Белозерской-Булгаковой, Библия стояла у Михаила Афанасьевича на одной из нижних книжных полок рядом с письменным столом – так, чтобы можно было ее достать рукой, не вставая с места⁴⁴. М. П. Смирнова рассказывала о своей встрече с Булгаковым (в 1931 или 1932 году): «Помню, уже в конце дня он спросил меня: “Маргарита Петровна, Вы читали Библию?” Я ответила: “Как надоели уроки Закона Божия в гимназии, а тут еще Библию читать? Только этого мне не хватало!” – “Вы еще будете ее читать!”»⁴⁵

Итог религиозного пути Михаила Булгакова мы уже видели: за три дня до смерти, «6 марта 1940 г. Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя – но уже неправильно, руки не слушаются...»⁴⁶.

Таков последний плод его религиозности. Но перед этим, уже в дни последней и мучительной болезни духовная брань у Михаила Афанасьевича была страшная. Он несколько раз просил дать ему револьвер (хотел пойти путем самострельной «эвтаназии»⁴⁷). Он порывался сжечь роман (и действительно сжигал весь роман в марте 1930 года, а отдельные страницы и главы – и позже). «1 октября 1939 г. Разбудил в семь часов – невозможная головная боль. Не верит ни во что. О револьвере. Слова: отказываюсь от романа. Отказываюсь от всего, отказываюсь от зрения, только чтобы не болела так голова»⁴⁸. И все же – устоял.

А теперь я предлагаю с духовной (или с мистической – так понятнее светскому читателю) точки зрения посмотреть на эти два эпизода: Булгаков порывается сжечь свой роман и Булгаков все же посылает свой роман в мир. Какой из этих двух его импульсов от лукавого? В одном случае Булгаков порывается покончить с собой, в другом случае он осеняет себя и жену крестным знамением. Может ли первое быть от Бога, а второе – от «Воланда»? Нет. Но тогда получается, что тот дух, что подталкивал Булгакова к самоубийству, он же и требовал уничтожения рукописи «романа о дьяволе». А та Сила, что дала Булгакову возможность совершить последние движения и произнести последние слова, то есть та Сила, которая вдохновила его на крестное знамение, она же и дала ему возможность благословить свой роман.

Племянница Михаила Булгакова Е. А. Земская свидетельствует о том, что он стал ее крестным (в 1926 году). Также Елена Андреевна вспоминает о заочном отпевании Михаила Афанасьевича в церкви на Остоженке⁴⁹ (очевидно, это храм св. Илии Обыденного – ближайший действующий храм к тому месту, где был снесенный храм Христа Спасителя). В семейном предании совмещение заочного отпевания с кремацией, на которой настоял сам Булгаков, объясняется тем, что писатель избрал кремацию, чтобы не повредить близким. Показательны слова Е. С. Булгаковой: «Многие меня упрекали – как я могла так хоронить верующего человека»⁵⁰.

Так что я каждый раз вздрагиваю, когда в очередной статье православного литературоведа А. Ужанкова вновь и вновь читаю: «В романе есть один эпизод с Мастером: он взглянул на иконку с изображением ангела-хранителя и увидел, что ангел отвернулся от него. Как и

его создатель, Михаил Булгаков, Мастер тоже отказался от своего ангела-хранителя, поскольку отказался от своего имени, данного ему при крещении»⁵¹.

В романе нет такого эпизода. В черновиках – тоже. Подтверждений тому, что Булгаков отказывался от своего имени Михаил, Ужанков не приводит. Дневник Е. С. Булгаковой показывает, что про свои именины Булгаков помнит и принимает поздравления: «21 ноября 1934. День именин М. А. Мы с Сергеем подарили ему “пополам”, как говорит Сергей, ноты – “ангейзера”, “Руслана и Людмилу” и др. Это еще – накануне. А сегодня я подарила ему бюро – александровское. Был звонок Оли – поздравление».

Про мастера я молчу: влюбленные имеют право называть друг друга как хотят. Хоть рыбонькой, хоть козликком... А если студенты позовут Александра Ужанкова «профессор!» и тот откликнется на это обращение, это вряд ли будет означать его отречение от св. князя Александра Невского.

Вопрос о личной вере и неверии М. А. Булгакова неразрешим, если под «верой» иметь в виду только православную воцерковленность, а под «неверием» – пошлости журнала «Безбожник». Булгаков не там и не там. В его жизни и окружении от юности до смерти совсем незаметно священников. Религиозную тематику в частных беседах не понимает. Верующие люди церкви в его произведениях, описывающих уже Советскую Россию, – это прежде всего запуганные люди. Кухарка, которая уже подняла руку для крестного знамения, после окрика Азazelло отказывается от своего жеста. Новомучеников Булгаков не заметил. Для тезиса Александра Проханова о том, что «Булгаков был православный человек, и это высоко мистический русский православный роман», я не вижу оснований⁵².

И все же – охлаждение к церковно-институциональной жизни не равно отречению от Бога и от Христа. По крайней мере – психологически не тождественно.

Булгаков и безверие

5 января 1925 года Булгаков записал в своем дневнике: «Сегодня специально ходил в редакцию “Безбожника”. Был с М[итей] С[тоновым], и он очаровал меня с первых же шагов.

– Что, вам стекла не бьют? – спросил он у первой же барышни, сидящей за столом.

– То есть как это (растерянно).

– Нет, не бьют (зловеще).

– Жаль.

Хотел поцеловать его в его еврейский нос...

Тираж, оказывается, 70 000, и весь расходуется. В редакции сидит невероятная сволочь, выходит, приходит; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации... На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно, Библия, над ней склонились какие-то две головы.

– Как в синагоге, – сказал М., выходя со мной...

Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кошунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне... Соль в идее: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены»⁵³.

На обложке первого номера «Безбожника» было напечатано: «С земными царями разделились, принимаемся за небесных». Передовица Н. И. Бухарина «На борьбу с международными богами»: «Русский пролетариат сшиб, как известно, корону царя. И не только корону, но и голову. Немецкий – свалил корону с Вильгельма, но голова, к сожалению, осталась. Австрийский рабочий добрался до короны, не добрался до головы, но король сам испугался и от испуга умер. Недавно греки сшибли еще одну корону. Словом, на земле на этот счет не приходится сомневаться: рискованное дело носить это украшение. Не совсем так обстоит дело на небе... Международные боги... еще очень сильны... Так дальше жить нельзя! Пора добратся и до небесных корон, взять на учет кое-что на небе. Для этого нужно прежде всего начать с выпуска противобожественных прокламаций, с этого начинается великая революция. Правда, у богов есть своя армия и даже, говорят, полиция: архистратиги разные, Георгии Победоносцы и прочие георгиевские кавалеры. В аду у них настоящий военно-полевой суд, охранка и застенки. Но чего же нам-то бояться? Не видали мы, что ли, этих зверей и у нас на земле? Так вот, товарищи, мы предъявляем наши требования: отмена самодержавия на небесах... выселение богов из храмов и перевод в подвалы (злостных – в концентрационные лагеря); передача главных богов, как виновников всех несчастий, суду пролетарского ревтрибунала».

В Энциклопедическом словаре братьев Гранат Николай Иванович Бухарин поместил свою автобиографию, в которой сообщал, с какого возраста он начал борьбу «с богами»:

«В 10 лет я окончательно разделался с религией. Внешне это выразилось в довольно озорной форме: я поспорил с мальчишками, у которых оставалось почтение к святыням, и принес за языком из церкви “тело христово”, победоносно выложив оное на стол. Не обошлось и без курьезов. Случайно мне в это время подвернулась знаменитая “лекция об Антихристе” Владимира Соловьева, и одно время я колебался, не антихрист ли я. Так как я из Апокалипсиса знал, что мать антихриста должна быть блудницей, то я допрашивал свою мать – не блудница ли она, что, конечно, повергало ее в величайшее смущение»⁵⁴.

...В «Мастере и Маргарите» есть крупный советский чиновник по имени Николай Иванович – он превращается в борова⁵⁵...

А было еще и поэтическое леваческое хамство:

Елки сухая розга маячит в глазища нам,

По шапке Деда Мороза, ангела по зубам!
(Курсанов С.

Стихи в «Комсомольской правде»

к Рождеству 1928 года⁵⁶)
Твердь, твердь за вихры зыбим

Святость хлещем свистящей нагайкой

И хилое тело Христа на дыбе

Вздыбливаем в Чрезвычайке.

Что же, что же, прощай нам, грешным,

Спасай, как на Голгофе разбойника, —

Кровь Твою, кровь бешено

Выплескиваем, как воду из рукавомойника.

Кричу, «Мария, Мария, кого вынашивала? —

Пыль у твоих ног целовал за аборт!»

Зато теперь на распеленатой земле нашей

Только Я – человек горд
(Мариенгоф А. Сборник «Явь», 1919 год;

до выхода сборника этот текст

был опубликован в газете «Известия»

в августе 1918 года⁵⁷).
Кровью плюем зазорно

Богу в юродивый взор

Вот на красном черным:

– Массовый террор

Метлами ветру будет

Говядину чью подместь

В этой черепов груди

Наша красная месть

(Он же).

Похоже, что с Булгаковым произошло то же, что и со многими другими русскими интеллигентами 20-х годов. Русской интеллигенции вообще трудно быть рядом с властью. Комфортнее она чувствует себя в оппозиции. Пока православие было государственной религией, интеллигенция ворчала на Церковь и скликала «буревестников революции». Но когда стаи этих стервятников слетелись и явили свое хамское мурло, когда революционно-атеистическая инквизиция показала, что решимости, напора и требовательности у нее куда как больше, чем у старой церковно-монархической цензуры, тут уже и для интеллигенции настала пора «смены вех».

Показательным было поведение знаменитого физиолога академика Павлова. Он до конца жизни оставался атеистом. Но при советской власти он стал носить царский мундир и креститься, проходя мимо православных храмов... И даже стал крестным отцом Сергея Капицы⁵⁸.

«Из воспоминаний знаменитого ученика Павлова академика Л. А. Орбели. Когда Павлова избрали председателем Общества русских врачей, он первым делом настоял на том, чтобы отменили панихиду в память о С. П. Боткине, с которой начиналось ежегодное заседание:

– Черт его знает, что за манера завелась у нас ни с того ни с сего служить панихиду? Мы ученые и собираемся почтить память ученого, а тут вдруг почему-то панихида.

Пришли, как всегда, не только врачи, но и родные Боткина, привыкшие к обычному ритуалу. Но начались слушания – и никакой панихиды. Родственники ушли разочарованные, и на другой день Павлов каялся:

– Какого я дурака сваял вчера! Как я не подумал! Мне не хотелось нюхать ладан, а я не подумал о том, что чувствуют члены семьи. Ведь они же пришли не доклады наши слушать! Они привыкли, что мы посвящаем заседание памяти Боткина, служим панихиду. Они же верующие люди. Я неверующий, но должен же я считаться с чувствами верующих! Никогда себе этого не прощу! Я это понял, как только увидел лицо вдовы.

И другой случай. Павлова посетил почтенный старик, врач, его товарищ по Медико-хирургической академии. Сотрудники слышали, что разговор сначала шел мирно, а потом вдруг послышались крики Павлова. Старик ушел, а Павлов объяснил:

– Черт его знает. Всегда приходил, вспоминал приятно студенческие годы, а тут вдруг спрашивает: “Как ты относишься к загробной жизни?” Я говорю: “Как отношусь? Какая загробная жизнь?” – “А все-таки как ты думаешь – загробная жизнь существует или не существует?” Сначала я ему спокойно объяснял, а потом мне надоело: “Как тебе не стыдно! Ты же врач, а говоришь такие глупости!”

На следующий день Павлов пришел мрачный:

– Что я наделал! Ведь этот доктор ночью покончил с собой! А я, дурак, не учел того, что у него недели три как умерла жена, он искал себе утешения, надеялся встретиться с душой умершей. А я оборвал его... Все-таки нужно же немного думать не только о своих мыслях, но и о других людях.

Храмы же он посещал – в особенности после революции – потому, что внимательно относился к своей религиозной жене. Да и сам, будучи сыном священника, любил иногда послушать церковное пение, так знакомое с детства.

А еще для того, чтобы позлить атеистов-большевиков, которых весьма не любил, и помочь своим авторитетом гонимым верующим, которым, естественно, сочувствовал.

На вопросы анкеты архиепископа Кентерберийского академик Павлов ответил так:

”Верите ли Вы в Бога или нет?” – “Нет, не верю”.

”Считаете ли Вы религию совместимой с наукой или нет?” – “Да, считаю”.

Когда ученики подступили к нему с вопросом, как же согласуются эти ответы, он объяснил:

– Целый ряд выдающихся ученых были верующими, значит – это совместимо. Факт есть факт и нельзя с ним не считаться»⁵⁹.

«Павлов протестовал против сноса Троицкого собора, отказался от кафедры в Военно-медицинской академии в знак протеста против изгнания из числа студентов детей священников и т. д. В воспоминаниях М. К. Петровой, ближайшей сотрудницы и друга И. П. Павлова, приведены такие слова Павлова: “Человеческий ум ищет причину всего происходящего, и когда он доходит до последней причины, это есть Бог. В своем стремлении искать причину всего он доходит до Бога. Но сам я не верю в Бога, я неверующий”. Ходил Павлов в церковь “не из религиозных побуждений, а из-за приятных контрастных переживаний. Будучи сыном священника, он еще в детстве любил этот праздник (речь идет о Пасхе). Он объяснял эту любовь особенно радостным ощущением праздничных дней, следующих за Великим Постом”. А защищал Павлов верующих и церковь из вполне понятных соображений о справедливости и свободе совести, протестуя против большевистского варварства»⁶⁰.

«В своем последнем слове у могилы мужа Серафима Васильевна говорила, что он был неверующим, и вся его работа была направлена на отрицание религии. Имеющиеся в многочисленных архивах документы, высказывания самого Ивана Петровича и друзей, близко знавших Павлова, вроде бы свидетельствуют: мэтр не верил в Бога. Вот что по этому поводу в 1923 году сказал сам Иван Петрович в беседе с будущим академиком Е. М. Крепсом. “Почему многие думают, что я верующий человек, верующий в смысле религиозном? Потому, что я выступаю против гонения на религию. Я считаю, что нельзя отнимать веру в Бога, не заменив ее другой верой. Большевику не нужно веры в Бога, у него есть другая вера – коммунизм... Другую веру приносят людям просвещение, образование, вера в Бога сама становится ненужной”. В письме в Совнарком он писал: “По моему глубокому убеждению, гонение нашим правительством религии и покровительство воинствующему атеизму есть большая и вредная последствиями государственная ошибка... Религия есть важнейший охранительный инстинкт, образовавшийся, когда животные превратились в человека, сознающего себя и окружающие существа, и имеющая огромное жизненное значение”»⁶¹.

Порой перехлесты безбожников были таковы, что их начинала стесняться и осаживать сама же советская власть. Однажды она стеснительно открестилась даже от своего идейного основоположника – Карла Маркса.

Был такой труд «основоположника», который советские марксисты издали лишь однажды. И в собрание сочинений никогда не включали.

Это речь Карла Маркса, произнесенная в Лондоне в 1847 году. В ней Маркс всерьез обвинял христиан в пожирании младенцев: «Как известно, христианство дошло до человеческих жертвоприношений. Даумер в своей недавно появившейся книге утверждает, что христиане по-настоящему закалывали людей и на своих священных трапезах причащались человеческим мясом и человеческой кровью. Сам Павел горячо ратует против допущения на трапезы людей, которые не совсем еще посвящены в тайны христианства. Легко теперь объяснить также, откуда появились, например, реликвии 11 000 дев... Человеческое жертвоприношение было святыней и существовало в действительности. Все эти вещи, как они изложены у Даумера, наносят христианству последний удар. Спрашивается: какое это имеет значение для нас? Все это дает нам уверенность, что старое общество близко к концу и что все сооружение обмана и предрассудков рушится»⁶².

Кстати, по Даумеру, Иуда донес на каннибализм, бывший на Тайной вечере.

Для завершения этой линии заметим только, что уже через год после публикации своей книги Даумер почувствовал себя одержимым и был вынужден обратиться к католическим свя-

ценникам-экзорцистам. Но даже его возвращение в церковь не смогло его спасти – через 10 лет он кончил самоубийством.

Если уже атеисты краснели за своих безбожников – то тем более не удивительно, что хамская безбожная официальная пропаганда претила и другому «поповичу» – Михаилу Булгакову. Когда его пьесу «Кабала святош» «кто-то счел антирелигиозной (в ней отрицательно выведен парижский архиепископ), я сказал, что пьеса не является антирелигиозной»⁶³.

Л. Е. Белозерская вспоминает, что в конце 20-х годов среди друзей Булгакова был художник-карикатурист М. Черемных. Однако, по ее свидетельству, «отношение Булгакова к Черемныху было двойственное: он совершенно не разделял увлечения художника антирелигиозной пропагандой (считал это примитивом) и очень симпатизировал ему лично»⁶⁴.

Шок от знакомства с журналом «Безбожник», по мнению некоторых исследователей «Мастера и Маргариты», сказался и в выборе фамилии сатанинского служки Коровьева. Именно тот номер «Безбожника», что вышел в январе 1925 года (то есть в месяц посещения Булгаковым редакции этого журнала), назывался: «Безбожник. Коровий». Редакция так поясняла столь странное название: «Журнал наш – журнал крестьянский... Поэтому пишем мы и о здоровье коровьем, и о том, как знахари и попы людей морочат и скот губят». Далее в стихах рассказывалось о том, что у Дарьи коровы были всегда нездоровы, потому что она верила в святого Власия, а Марьи коровы точно слоны, потому что она верит в науку и словам агронома. На рисунках святой Власий и агроном в мундире. Оба с нимбами»⁶⁵.

Как известно, булгаковский Коровьев «однажды неудачно пошутил». Но если его шутка имела многовековые, вечные последствия, то она касалась религии.

Лучший, на мой взгляд, исследователь творчества Булгакова Л. Яновская в разные годы предлагала две взаимоисключающие версии этой таинственной шутки.

В 1987-м: «Я давно догадывалась, что к этому каламбуру имеет какое-то отношение отдельная запись в черновой тетради 1933 года “Мастера и Маргариты”: “Свет порождает тень, но никогда, мессир, не бывало наоборот”».

В библиотеке Булгаков был прозаический перевод гётевского «Фауста», выполненный А. Соколовским (СПб., 1902). И в нем Булгаков подчеркнул монолог Мефистофеля: «Я часть той тьмы, из которой родился свет». И на полях две маленькие буквы: «к-в» (Коровьев?).

Можно предположить, что Коровьевский афоризм о том, что тьма не может породить свет, входил в противоречие с самооценкой «мессира» – за что именно им он и был наказан.

А ранее, в 1983-м, Л. Яновская полагала, что «вряд ли Воланд наказывает своего верного рыцаря, чье место непосредственно рядом с ним, за неудачу каламбура»⁶⁶. Тогда наказан Коровьев не Воландом, а вышученным им Светом.

В этом случае ближайший же литературный аналог «неудачной шутки» – Сансон Карраско...

Был у Булгакова контакт с «Дон Кихотом»? Да, он написал пьесу «Дон Кихот». А 23 июля 1938 года он писал жене: «Жадно гляжу на испанский экземпляр “Дон Кихота”. Теперь займусь им».

В булгаковской инсценировке племянница Дон Кихота просит своего возлюбленного Карраско вернуть дядю домой. Для этого Карраско переодевается «рыцарем Белой Луны», вызывает Дон Кихота на поединок и ставит условие: проигравший возвращается домой и более не мнит себя рыцарем.

После поражения Дон Кихот клянется «никуда больше не выезжать и подвигов не совершать»⁶⁷, возвращается домой, пробует жить «как все». И умирает от тоски... «Ах, Санчо, Санчо! Повреждения, которые нанесла мне его сталь, незначительны. Также и душу мою своими ударами он не изуродовал. Я боюсь, не вылечил ли он мне мою душу, а вылечив, вынул

ее, но другой не вложил. Смотри, солнце срезано наполовину, земля поднимается все выше и выше и пожирает его. На пленного надвигается земля! Она поглотит меня, Санчо!»⁶⁸

Но еще когда в ходе боя Дон Кихот получает ранение в руку, герцог говорит Карраско: «Шутка зашла слишком далеко»⁶⁹.

Вот и шутки советских безбожников, по мнению Булгакова, заходили слишком далеко. Нельзя разрушать чужую веру, если ты ничего не можешь предложить взамен. Нельзя заменять веру коровьей ветеринарией. Нельзя красть мечту о Небе: в этом случае душу «пожирет земля». Мрак и печаль настигают таких шутников... Коровьев теперь «темно-фиолетовый рыцарь с мрачайшим и никогда не улыбающимся лицом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.